

Пётр ЧУСОВИТИН

ЕЙ-БОГУ, ПРАВДА!

«Давненько, Петр Палыч, не брал ты в руки шашек, — говорят мне друзья, знакомые, почитатели, — ох, давненько!» Последних у меня больше всего почему-то в правоохранительных органах. Им бы только Чусовитина почитать. Их ни Гомер, ни Данте, ни Рабле не интересуют, им и на убийц наплевать. Наверное, и Лионель Даддани без меня скучает. Нет, это не вдова режиссера Ивана Пырьева и не лошадь Ворошилова, это эксперт, подлинно установивший, что мои скромные шутки возбуждают национальную рознь.

Еще недавно платный разоблачитель «международного сионизма» и его крайне правового, по существу профашистского и фашистского крыла — «сионистов-ревизионистов», утверждавший, что «нет и не может быть... никакого «прогрессивного сионизма...», отмывая теперь свое не слишком «общечеловеческое» прошлое, нашел себя в составлении смехотворно злобных экспертиз на русские периодические издания, наивно полагая, что его мелочные подсчеты депутатских кресел от партий МАПАМ и Ликуд в израильском кнессете позволят ему быть ученым-арбитром в многовековых русско-еврейских прениях о животе и смерти. Вот с каким моральным чудовищем несчастные сионисты были вынуждены иметь дело еще в 1986 году! Ну как такому незаурядному человеку не помочь собрать на себя компромат? Да и внутренний голос давненько подсказывает, что пора мне вместе с заинтересованными лицами после пустынь российской словесности прогуляться по буеракам российской художественности и побеседовать, например, о религиозной живописи. «Да заодно, — говорит он мне, — решим до обеда вопрос и о Боге».

Изволь, отвечаю, почему не решить. Если вера художника не отнимает у него понимания, если он не надеется на Бога исключительно потому, что слишком верит в силы зла, если молитва позволяет человеку выйти за пределы ограниченного «я» и дает сознанию иное измерение, такая вера — благо. Но, увы, нечасто это бывает. У козла и бог козел. Святой отец Глеб Якунин, например, творящий бога по своему образу и подобию, посоветовавшись со Всевышним, узнал, что борьба с коммунизмом — святое дело, а его духовные чада, вкусив запретный плод с библейского древа познания добра и зла, уверовали, что истина заключается только в мамоне.

Как видите, дорогие дамы, змей не обманул человека. И художники, поди, тоже люди. Взгляните-ка направо, на новейшее «Бегство в Египет». Видите? На семенящем вдоль черносотенной охотнорядской толпы ослике восседает безутешная, словно две капли воды похожая на Танюшу Миткову мадонна с не по годам умным сынишкой, а рядом вышагивает с профилем марабу и посохом — ни дать ни взять, вылитый народный депутат Шейнис. День и ночь не меньше Троцкого со Свердловым на работе убивался, за Россию хлопотал. И вот награда: драпает в Египет к Бутросу Гали. В осле автор, естественно, изобразил себя. Глядишь на эту актуальную картину — гражданин психиатр, угостите сигареткой, вы часом не у Лунца стажировались? — и до боли стискиваешь зубы: перед глазами проносятся светлые образы гуманистов, бегущих из захваченной красно-коричневыми ордами Москвы, и хочется поскорее найти Боксера, записаться в интернациональный отряд воспетого Фадеевым Левинсона и безоглядно мстить, мстить, мстить... Без преувеличения, картинка, достойная кинофестиваля в Кане Галилейской. Ей-богу, правда.

Ну не дивно ли, говорю я себе, окинь, Петичка, мысленным взором искусство Европы от Мазаччо до наших дней, не говоря уже о средневековье, перелистай хоть сотни книг — и удостоверись, что изобразительный образ Христа как персонификация универсума в Италии

— итальянец, в Германии — немец, во Франции — француз и только в России он, как бы это покультурнее выразиться, приобретает сугубо непотребный бусурманства. Я, знаете ли, братцы, по странному совпадению вспомнил рассказ В. Перова о своем товарище-художнике, писавшем образ Богоматери с проститутки, приглашенной из публичного заведения в качестве натурщицы. Егор Яковлевич на вопрос девицы, кого он с нее рисует, отвечал, что Божью Матерь.

«— С меня... мать... божию! Да вы знаете, кто я такая!! Ведь вы знаете, откуда вы меня взяли... И с меня, погибшей, презренной и развратной женщины, которой нет спасения!.. И с меня изображать лик пречистой девы Марии... ма-те-ри бо-жией!! Нет! Это невозможно! Ведь это безумно! О! Я проклятая... проклятая!! — простонала тоскливо Фанни, как лопнувшая, не в меру натянутая, струна, и, закрыв лицо руками, всюю своею тяжестью она упала на диван и горько-горько зарыдала». Казалось бы, обращаясь к Богородице, и проститутки чувствовать умеют.

А Поленов изображал с облепивших его евреев, включая Левитана, самого Христа, и если кто из них и падал на диван, вжившись в роль распятого, то единственно из-за того, что «не понимают», не ценят их израненные человеколюбивые души. Попусту не казнились. Они же не проститутки, чтобы из-за грехов убиваться. Чуть ли не сорок лет, делая из Христа ребенка, высмеивая робкие увещания духовных особ (мракобесов!) Василий Дмитрич только в десятиаршинном сочинении «Христос и грешница», скрепя сердце, сделал уступку родной матери, едва-едва умолившей его снять с образа спасителя еврейский колпак и тем приблизить к каноническому, то есть с непокрытой головой. Прямо Салман Рушди какой-то!

Александр Иванов в письме к отцу пишет, что, работая над картиной «Явление Христа народу» и не будучи удовлетворен этюдами с успевших его полюбить и даже подозревающих в нем еврея, завсегдатая римской синагоги, собирается в Ливорно, чтобы еще и там поискать подходящего еврея для образа Христа. Дай ему волю, он бы на императорскую стипендию в поисках источника вдохновения весь Израиль обследовал. Нет, не напрасно Ротшильд принимал живейшее участие в перевозке этой картины из Италии в Россию. И не зря Тютчев к великому негодованию Стасова, взглянув на нее, заметил: «Да это не апостолы и верующие, а просто семейство Ротшильдов!»

А вот, мои хорошие, на почетном месте скандально знаменитая «хрестоматия» «запрещенного» церковью незабвенного Ге. О, немногим избранным из мастеров кисти посчастливилось, пострадав за «реализм», оказаться гонимым в родном Отечестве. Этот и за себя, и за Поленова плакал. Друг-читатель, если ты сокрушаешься из-за кончины Пабло Неруды или дырки на протертых штанах, вдумайся в жизнь Николая Ге, представлявшую одну сплошную голгофу, и согласишься, что тебе еще повезло. Другой бы мазила, упиваясь красотами природы на хуторе в Черниговской губернии, писал только пейзажи да жанровые сцены, благоденствовал с галушкой за щекой, но не таков был наш маэстро. Ему повсюду «Распятие» мерещилось. На что ни посмотрит, бывало, сидя за арбузом, и сразу видит, как городовые плачущего Христа распинают. «Я сам плачу, глядя на картину», — в припадке гражданской скорби, встав у своей масляной «Голгофы», стонет страдалец. Немудрено. От себя и на хутор не убежишь. Поневоле заплачешь.

Ведь если хорошенько разглядеть в «Распятии» беснующегося как бы на осиновом колу, застилизованного под «простого человека» кошмарного вурдалака, какие прежде в изобилии появлялись в загадочной промежути между Россией и Германией, редкий из непредвзятых зрителей не признает, что Христа распяли как минимум дважды, посмертно выставив Христом оголтелого выблудня. Такого не распнешь. Он сам кого угодно распнет. Жив курилка! Вон он, этот мутант, изваянный уже Голубкиной, как ни в чем не бывало, раздвинув стену, вылезает из комьев грязи над дверями старого МХАТа. Здравствуйте-пожалуйста.

Кстати сказать, товарищ участковый, оказалось совершенно безосновательным убеждение художника, будто ему удалось совершить эстетическую революцию в живописи, опровергнув правоту латинской пословицы, гласящей: «Чудовище по виду — чудовище в

душе». Уж на что «романтичный» Гюго (не чета Ге) силился доказать, что чем существо квазимодистее, чем безобразнее, тем душевнее. Снаружи, дескать, идолище поганое, а внутри сокровищ, сокровищ — на десятиерых. И то без особого успеха.

Христос Тициана в «Динарии кесаря» рядом с упырем Ге так и остался подобным светилу по сравнению с гнилушкой, светящейся в погребке. Ей-богу, правда Т. Л. Толстая писала И. Е. Репину: «Ге говорит, что его большая заслуга состоит в том, что он сломал тициановского и довинчевского Христа — это действительно заслуга, но надо было что-нибудь новое поставить на его место. Надо найти такое лицо, которое бы соответствовало учению, которое нас так трогает и умиляет». Наивное создание. Он и поставил. Чем, интересно, ее не устраивало новое лицо? Тем, что это лицо Товстоногова, или нет, скорее игуана. Есть такие теплолюбивые твари на Галапагосских островах. Как она была старомодна! И потом нашла кому писать — Репину! Рассмотрела бы прежде как следует его «Воскрешение дочери Иаира».

Не знаю как тебе, толкует мой взыскующий дух, а по мне, так Христос Репина, поставленный, скажем, на место Христа Леонардо да Винчи, выглядит, пожалуй, еще комичнее мелкого беса Ге. Не будем подобно не в меру любознательным экзистенциалистам спрашивать, зачем Христос оживил девицу, коли она все равно потом умерла, и зачем оживлять, если у Бога и без того все живы. Это не наше дело. Богу виднее. Но сколь чудесно художник замандячил это событие! Как говорится, не ждали. Но приплыли. Смотришь на творение, а в голове одна неотступная мысль, достойная Айвазовского. Если, глядя на «Девятый вал», думаешь: убьет — не убьет? то здесь гадаешь об одном: оживет — не оживет? Вот, оказывается, для чего нужно чудо искусства!

«Как видите, товарищ майор, Аристотель ошибался. Природа не боится пустоты. Она вообще ничего не боится. Да и не каждый может извлекать себе пищу из мертвых. Разве это не достижение? А Христос-то каков! Отвратительная морда, чтоб мне век свободы не видеть. На антихриста, правда, не тянет, но с каким понтом на шарап он горбатого лепит, как мозги канифолит!»

Вольф Мессинг, Остап Ибрагимович позавидуют. Ну и гудлай лошковый, ну и чувырло! Стоит хам и на глазах у родителей покойную девушку мацает. А они, лохи мешанные, лопухи растопырили, кормушки разинули, фары вылупили — чуда ждут. Будет им чудо. Как бы этот местечковый «мцыри» еще и некрофилом не оказался. Ему что... Не воскресит здесь, пойдет других, убитых горем шарашить. На его век чайников хватит. Вырви мне глаз, приятель, если он соблазняет меня, но пусть лучше я окажусь ввергнутым в геенну огненную рядом с Карабчиевским, чем поверю, что этот рыжий фарисей на картине — мой высший судия. Мы и не таких исусиков видали. Сам знаешь где.

Вон неподалеку еще один мраморный сосуд мировой скорби — подарок Марка Антокольского русскому народу, «милого Мордуха» — как величали его в семье Поленовых, награжденного за содеянное аж французским орденом Почетного легиона. Се не человек, а прямо-таки нескончаемая пытка сочувствием. Хрупкий, нежный, незащитный. Одинокий, как лейбницевская трихомонада. Под скромного работает. Тоже исходит бескорыстной любовью к ближнему, хоть и ему ничто человеческое явно не чуждо. Бедненький невестребованный талант, он писал, а его не печатали, он плакал, а над ним потешались и вот повели на цугундер только за любовь к добру. Мало того, возвели напраслину, заявив, что добро якобы было чужое. Но он хороший.

Одно плохо, земляки. Плохо, что этот «спаситель» даже не на Спинозу, а больше на Марка Харитонова смахивает. Увы, увy. Но, может быть, это как раз теперь и спасительно; что у России такой бог? Вдруг известная иудаизация русского сознания теперь так же настоятельно необходима, как его татаро-монголизация в XII — XIV веках? Харитонов — шикарный мужчина. Лауреат Букера. А лучше Букера, как известно, никто русскую литературу не знал и не узнает, будь он хоть сам Эйдельман.

И что характерно: хоть впечатление от нынешнего «Распятia» Э. Неизвестного на почтеннейшую публику сопоставимо разве с впечатлением от «фордзона» на баранов в

коллективизированной деревне, печальный демон Антокольского все-таки его перешибает. До того соплями за душу берет, даже выпить хочется. «Я думаю через месяц кончить Христа... и если кончу, тогда непременно напьюсь пьяным!» — мечтает Антокольский. Христос, сами понимаете, других намерений вызывать не может, не так ли? Не об этом ли мечтал и Рублев, когда писал «Троицу»?

Геноцид русского народа

Фото А. ТЯГНЫ-РЯДНО

Но если позволите, — гражданин следователь, вы Леву Шейнина не знали? — я вернусь к нашим баранам. Благо, их хоть жопой ешь. Все же, что бы ни говорили разные умники, однако диковины Антокольского и Неизвестного есть, извиняюсь, завоевания не русской культуры, а культуры для русских. Патриоту не пристало в дерьме копать. Посмотрим лучше, далеко ли наши русаки от богоизбранных отстали. Нет, с достоинством говорю я городу и миру, им до наших далеко! Ты слышишь, Лионель? И непреложное доказательство права на мою национальную гордость великоросса, говорю я, не размениваясь на мелочи вроде «Надгробного плача» Врубеля, — прославленное творение Крамского «Христос в пустыне». Никакой ирокез, японец, зулус, пингвин, никакой иудей не полюбит так иудея, как полюбил его русский художник. Вот где юдофилия — традиционно хроническая болезнь русской демократической интеллигенции достигла полного расцвета. Здесь мы точно впереди планеты всей.

Уже 120 лет дипломированные эксперты подводят «малых сих» к этому юду-чуду русской живописи, показывают на изображение заживо умершего политического фаната и провозглашают: смотрите, вот явившийся художнику сладчайший Иисус. Впору житие писать. Мол, когда Иван Николаевич, будучи мальчонкой, искал в окрестностях Острогжска пропавшую буренку, ему встретились три чудесных старца и прочувствованно сказали: Ваня! Не ищи коровку. Не твое это дело. Иди лучше этюдник купи. Будешь ловцом человеков.

На второй выставке Товарищества передвижных выставок, открывшейся 26 декабря 1872 года, эта картина произвела неслыханный фурор, а сам художник, написавший до и после нее немало превосходных, но так и не ставших общепризнанными работ, приобрел в стане тогдашних демократов заслуженную, хоть и анекдотически баснословную популярность. Перед этим шедевром психологического террора, ахая, вприсядку ходили модные писаки; до умопомраательства рассуждали о радости самопожертвования земские деятели, адвокаты и студенты; перед ее репродукцией, по уверению М. Горького, изнывая от неразделенной любви к «полунощному Жениху», мастурбировали гимназистки. Все-таки знали разборчивые тургеневские девушки толк в мужчинах. Это вам не Инсаров.

Не здесь ли русская религиозная живопись, все более становящаяся разновидностью извращенной сексуальности в форме визуального фетишизма, получила, наконец, свое открытое, картинно-порнографическое воплощение!

«Силу на подвиг» увидел в образе «спасителя» — настоящем еврейском Шварценегтере духа И. А. Гончаров; «...выражение громадной нравственной силы, ненависть ко злу, совершенной решимости бороться с ним» обнаружил В. М. Гаршин; и сам великий старец Лев Толстой, превозносивший до небес «Распятие» Ге, тем не менее в 1894 году, отдавая предпочтение детищу Крамского, изрек: «Это лучший Христос, которого я знаю». Между прочим, он же, стоило Христу в картине М. В. Нестерова «Святая Русь» утратить облик удрученного крокодила, заявил: «Самая мысль изображать Христа, по-моему, ошибочна». Однако, надо отдать ему должное, он не случайно выделил Христа Крамского. По вызываемому им обширному, небывало жгучему рою чувств и мыслей этот персонаж фрейдистского дурдома действительно лучший.

Можно смело сказать, что, решишь Крамской написать рядом с этим «агнцем Божиим» искушающего сатану, у него уже не нашлось бы более выразительных красок для его изображения. Князь Мышкин, посмотрев на «Мертвого Христа» Гольбейна, заметил: «Да от этой картины у иного еще вера может пропасть!» «Пропадет и то», — неожиданно подтвердил Рогожин». Но куда ему до голема Крамского! Верно, силен русский Бог, если его и страшилищу Крамского не удалось поколебать. Суций Моисей со спиленными рогами, чтоб мне провалиться. Похоже, он явно не может спокойно проходить мимо малейшей гнусности и при первой возможности окунается в нее с головой.

О чем же этот маньяк, словно терзаемый геморроем и раскачивающийся будто над геморрами в окрестностях Бахчисарая, сосредоточенно думает? Решает жуткую проблему самоидентификации? Внезапно пробудилось национальное самосознание и что теперь делать? Оно растет и растет. Не исключено, что ему хотелось бы думать о чем-то возвышенном, но на ум как на зло приходят только антисемиты. От них уже рябит в глазах, а они размножаются, размножаются... Едва родился — и пожалуйста: готовый антисемит. В лицо они его, конечно, не называют жидовской мордой — боятся крепких кулаков. Но за глаза-то наверняка называют, не могут не называть! О, он им еще покажет. Врежет так, что Эйнштейн не вылечит. И почему их до сих пор не колесуют?

Законы не работают, законы не работают... Когда же придет счастливый день? «Друг мой, брат мой, усталый ужасно страдающий брат...» Пепел Клааса стучит в его сердце, горько, тяжело, но он верит, господа: небо и земля придут, придут Гоголь и Достоевский, Ницше и Вагнер, но никогда не придет аромат от сожженных в печах Освенцима. Никогда. Обяжет нюхать вместо антисемита Вагнера, который, к сожалению, кое-где у нас порой еще звучит, но раз в Израиле его запретили, значит, и везде запретят.

И Крамского надо запретить. Прекрасно знал, что евреи отвергли Христа, и тем не менее нахально изобразил его евреем. Что это как не дикая антисемитская выходка? А может, он сердается из-за того, что, говоря словами Льва Шестова, ему пришлось вместо царской дочери довольствоваться вдовой пивовара? Ничего, и до царя очередь дойдет. Недолго неукротимому бомбисту из Карсировки, яростно сцепив руки, сидеть в пустыне из-за того, что родной ЦК из ничтожных тактических соображений не разрешил ему замочить киевского полицмейстера. От него дешево не отделаешься.

Недаром Крамской признавался: «...Уже пять лет неотступно он стоял передо мною; я должен был написать его, чтобы отделаться...» Наверное, так же как женщина, вынужденная отдаться слишком настойчивому ухажеру, чтобы избавиться от него. Ценное признание. Оно свидетельствует о подлинной оргастичности творческого акта, об органическом слиянии субъекта и гештальта, плодом которого стало произведение. Это дорогого стоит.

«Дорогой мой, я после своей картины какой-то странный сделался, постарел. Седина показалась...» — жалуется Ф. А. Васильеву убитый богом художник. Да это уже и не искусство совсем. Здесь дышат почва и судьба. Сплетенье рук, сплетенье ног... Но что это за «Я есмь Истина», если в ней нет места русскому человеку, при чем здесь Христос? Ни при чем! Зато какой ломовой кайф по-черному. Не часто персонаж насилует автора.

Господин вертухай! Должен признаться, что я вообще-то не склонен сильно преувеличивать независимость героев художественных творений от их создателей. Свобода самодвижения характеров в действительности произведений, как правило, не слишком значительно отличается от осмысления проблемы собственной свободы самим художником. Творцы – люблю этих изворотливых бестий, торгующих призраками, - просто-напросто хладнокровно, находясь в трезвом уме и твердой памяти, наделяют своих персонажей такими свойствами и ставят их в такие обстоятельства, что им, в сущности, почти ничего не остается, как поступать соответственно. Что, вправду, могла бы делать, например, «Неизвестная» того же Крамского, как не принимать на Невском завлекательные позы и загадочно шуриться? Искать Беловодье? Открывать Северный полюс? Обломов не будет, подобно Швейцеру, лечить негров и обезьян в Африке. Поликушка за ненадобностью не вступит в Пен-клуб. «Сочинитель» А. Кабакова не устанет сочинять пакости.

Старая гойка Мариша, прислуживающая доктору Ентэсу, по воле нобелевского лауреата Исаака Зингера будет есть из одной тарелки с котом. Идиот Розинера (каков писатель, таков и его идиот) некто Арон Финкельмайер, естественно, гениальный поэт, не перестанет ссать на, разумеется, бездарного поэта Пребылова. Дегенерату Г. Файбусовича из романа «Антивремя» не надоеет риторически восклицать: «Видел ли я живую жизнь вокруг себя? Вчера попался мне на глаза безногий инвалид перед винным отделением, мой ровесник: он лежал со своей тележкой среди мусора и пустых ящиков колесиками вверх и спал. Вот, подумал я, жуткий символ моего времени, моей страны. Нет-с, позвольте, не моей, а вашей. Я в ней не жил, а варился в ее каннибальском желудке, влачился по ее кишкам и был извергнут, словно вонючий отброс; а то, что было моей жизнью, было совсем в другой стране, стране неувядающей юности, и она ничего общего с вашей страной не имеет».

Да уж. Он не узнает, что чувствовала страна, против воли терпевшая его аж в желудке. Думал ли он о том, как ее, страшно стонущую, мучительно тошнило, мутило, покрывало холодным потом, как она, будучи не в силах помочь своим инвалидам, блевала и исходила кровавым поносом, когда он, смердя вонючим отбросом, совместно со своими «братьями по разуму» грыз ее мозг, сердце и печень, бесстыдно и непрерывно ей же жалуясь на свою участь? Нет, конечно. Подобные мысли для него были бы столь же противоестественны, как для князя Мышкина охота на царя.

Короче, герои при всех их мелких причудах, как правило, вполне управляемы и находятся в весьма дружеских отношениях со своими авторами. Случается, что авторы убивают, вешают, топят своих любимчиков в нужнике. На то они и авторы. Но в редком случае противоестественной любовной связи Крамского с обожествленным иудеем, которого он сам

считал атеистом (!), налицо совершенное с особым цинизмом преступление героя против своего автора, причем пострадавший едва ли не чудом вырвался из цепких лап изверга и потому нуждается в соболезновании.

Боже, не забудь мою грешную молитву на Страшном Суде. Не за себя, за раба божьего Ивана молю. Он отделался, понимаешь? Теперь пусть другие попробуют отделаться. Хрен им в зубы.

А пока, господа народные заседатели, полюбуйтесь на сегодняшний живописный бестселлер «Бичевание» непорочного, не обидевшего и мухи хасида, избиваемого толпой утробно зоологических антисемитов в картузах и смазных сапогах. Не по паспорту — по личику бьют. На нем уж и живого места не осталось, а в глазах только немой вопрос: за что? За что вы только взятки берете? Сильная вещь. Не иначе как фонд Сороса купит.

Граждане судьи! Вы спрашиваете: что побуждает меня писать? Отвечаю. Всемирная слава Александра Аронова и Иосифа Бродского. Заурядные графоманы, но каков успех, черт побери, и главное — деньги, деньги! Поймите, ведь это были мои деньги! Согласен. Одного этого предположения достаточно, чтобы упрятать меня за решетку. Таким, как я, не место в обществе цивилизованных людей. Страшно представить, каким станет о вас мировое общественное мнение, если я буду разгуливать на свободе. Нет, лучше пожар, землетрясение, моровая язва, Бурбулис, наконец, чем подобный тип в обществе.

Господин прокурор! Теперь, когда вам с Лионелем стало окончательно ясно, что мои злостные клеветнические измышления, порочащие наш замечательно светлый, демократический государственный строй, полностью подпадают под действие статьи 74, я вдруг осознал, что мне ваша рожа не нравится. Вы случайно не внучатый племянник Урицкого? Вам Володя Тейтельбойм не родня? Уж больно вы на адвоката Макарова похожи. Ей-богу, правда. Честно говоря, не понимаю, на что вам еще какой-то суд? Мало по вашей милости уже погибло русских людей без суда и следствия? И потому, коль скоро этого еще не произошло, я, русский скульптор, пока суд да дело в пику антокольским, неизвестным и прочим сидурам выпью за сказку русского лица.

Газета «День» № 7, Москва, 1993 год.